

Ян Кунтур

Дождевой
бубен

И
З
Б
Р
А
Н
Н
Ы
Е

С
Т
И
Х
И

Ян Кунтур

Дождевой бубен. Избранные стихи

«Издательские решения»

Кунтур Я.

Дождевой бубен. Избранные стихи / Я. Кунтур — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507207-8

Ян Кунтур — вечный путешественник, его странствия не ограничены внутренним или внешним миром, какой-либо исторической эпохой или географическим ареалом, но куда бы он ни отправлялся, его голос и сердце чутко реагируют на окружающее.

ISBN 978-5-00-507207-8

© Кунтур Я.
© Издательские решения

Содержание

От издателя	7
От редакции	8
Предисловие	9
Теплые травы	12
«Я окунаюсь в снег...»	12
В третьем часу ночи	13
«Сквозь редкую крону вижу...»	14
«Мы всю ночь напролёт говорили...»	15
«Он поцелует разбудил Её...»	17
Áγιο Όρος	18
Гильгамеш	19
«Лобовой ветер...»	22
Суфийское	23
«И-цзин» мне нашептало: «Всё будет хорошо...»	24
«Некто в черной одежде...»	25
«Ты замечаешь, как уходит время...»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дождевой бубен Избранные стихи

Ян Кунтур

Литературно-художественное издание.

Составление, оформление Издательство «Серебряные нити»

Главный редактор Сергей Батонов

Художественный редактор Ли Юн

Художник Анна Фесюн

Корректор Игорь Серебрин

Предисловие Вячеслав Куприянов

© Ян Кунтур, 2019

© Издательство «Серебряные нити», Составление, оформление, 2019

© Вячеслав Куприянов, Предисловие, 2019

ISBN 978-5-0050-7207-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие *В. Куприянова*

Примечания *Я. Кунтура*

Серебряные нити
Москва
2019

От издателя

Отдавая дань славному наследию одноименного литературного объединения, вошедшему в историю российской словесности, и ощущая его незримые нити в настоящем, мы открываем эту серию, чтобы пополнить сокровищницу поэтического языка новыми современными произведениями, достойными, на наш взгляд, продлить традиции «Цеха поэтов» независимо от принадлежности авторов к тем или иным творческим союзам. Тексты для серии тщательно отбираются на просторах разворачивающейся в России поэтической Вселенной, представляя тем самым попытку ее освоения. Помимо профессионального мастерства основной критерий выбора предельно субъективен: возникает ли от чтения произведения сопереживание, сердечный отклик. Такого рода оценки, конечно, у каждого свои. Поэтому оставляем последнее слово за читателем, который один может оценить, насколько созвучен выбор редакции его собственному.

От редакции

Ян Кунтур родом с Урала, из Перми, и это многое определяет в его мировосприятии. Обходя с рюкзаком за плечами болота, тропы, чащи, таежные урочища Северного Урала, он подобно аргонавту перемещается по местам сказаний, местам силы. Балансируя на грани, преодолевая себя, через снег, морозы, голод, он бредет наугад к сверхвозможной цели, стремясь ощутить себя цельным, будто сработанным из самородной меди, приближаясь к тому, что еще не разгадано, что «спрятано от прямого взгляда в ворохе прохладной листвы».

Его единственная драгоценность – «блуждающий голос», его брат – ветер. Ветер исцеляет и затачивает «нож слов», «опыляет для новых подвигов». С ветром за пазухой странствует Ян, «ловя мгновенья, словно капли с крыш творца». Воспаря мыслью, как кондор, он переносится из эпохи в эпоху, с континента на континент – от древней Эллады в Китай Лао Цзы, от шумеров к персам, от инков к Древнему Риму Марка Аврелия.

Предисловие

Я ответил:

«Бродяга, чья тропа не ясна.

Чья эпоха ещё не пришла,

время тянет к полю...»

Поэт Ян Кунтур мне когда-то впервые встретился в сети, я обнаружил его заметки о верлибре, где он тщательно расписал чуть ли не все возможные обращения к свободному стиху в зарубежной традиции. Это внимание к новым возможностям литературной речи уже тогда показалось мне плодотворным, тем более что иные современники считали чужой культурный опыт необязательным для себя. Познакомившись много позже со стихами этого автора, я убедился, что его практика отнюдь не ограничивается интересом к свободному стиху, но опора на культурный опыт мировой словесности очевидна. Приятно замечать, как цитаты или просто упоминания китайской Книги перемен – И Цзин или вавилонского эпоса о Гильгамеше определяют размышления автора в циклах или в отдельных стихотворениях. За историей следует география, и тут уже следует обратиться к жизнеописанию сочинителя, написанному им самим для всемирной сети: «...родился в Сретенье Господне через сто лет после Бунина в городе Перми... Днями просиживал в Областной библиотеке, а ночами – в своей домашней. Выдумал для себя систему: брал определённую территорию Земли и пытался ощутить ее, пропустить через свою душу всеми гранями, начиная с ландшафта, природы, этнографии, переходя к истории, литературе, культуре, религии, философии, искусству (конечно в рамках того, что мог найти). С долей иронии могу поставить в эту графу отметку: Высшее Гуманитарное Самообразование...» И далее уже точные координаты обследованных территорий: «Западная Тува, Южный и Центральный Алтай. Кроме этого были маршруты по Северному, Среднему и Южному Уралу, Сибири, Северному Кавказу. Проходил от ста до тысячи километров. Были и другие, наполеоновские, планы, но они рухнули вместе с Союзом... Путешествие было для меня как бы инициацией в новое: уходящий умирал, приходил другой человек...»

Да, «наполеоновские планы» уперлись в обманчивую иллюзию неопрятной свободы, но свободу личного воображения затуманить ничем не удастся, что бы ни происходило с возможностью публичного представления результатов творчества. Поэт с каждым новым стихотворением – «другой человек», пока он пишет, он ищет и находит «выход», когда его ведет «жажда поиска смысла, / который насущнее хлеба»:

В любом тупике есть невидимый чёрный лаз
Ужаса и Отчаяния
(это единственные истинные проводники).
Доверься им, оставаясь собой...

Как бы ни была жизнь, – ««И-цзин» мне нашептало: «Всё будет хорошо...», и это не самоутешение, а опять-таки культурное подспорье, загадочная древняя книга не может обещать ничего дурного, хотя бы потому, что она дожила до нашего времени и кем-то внимательно почитана. Ян Кунтур, уроженец Урала, откуда ушли на Запад иные живучие народы, вот и его скитания пока привели его на этот же Запад, в Венгрию, но в стихах он продолжает вечное путешествие по меридианам и параллелям, туда и обратно, «от Китая – в Бискайю», в поисках своего Запада и своего Востока, ощущая себя то бродячим воином Японии:

Как самурай – спокойный и вальяжный

бродяга в грязном кимоно, который ищет
опасных авантюр среди одноэтажных
дворцов бумажных и немного пищи;
который знает свою силу и с насмешкой
на глупости людские отстраненно
глядит, их режиссируя без спешки
из любопытства, —...

– то первооткрывателем морских путей или мудрым вождем североамериканского племени:

«Определяю долготу свою
как галеон – на дне пролива Дрейка
И утреннее солнце продаю
по штуке за копейку
Твоя забота
с виду небольшая:
держат лицо.
Ты истинный дакота.»

Тут же и перевоплощение в Александра Македонского (он движется с боями на Восток): «Мой Буцефал лежит в крови... / А в небе сны слонами бродят...», и намек на поход Ермака, «где был первый залп / пищальный – в сторону Сибири...» И вот уже «сибирский» Урал с его языческим прошлым, вдвинутым в настоящее, (та же тема в прозе Алексея Иванова, знаменитого земляка Яна Кунтура), с этнографической и географической точностью автор показывает нам «князя-шамана – / Владетеля Сосьвы, / Который / с вершины Ялпынг-Нёр-Ойки / Шлёт отражения лужам, / Шлёт зрочки отраженьям, / Шлёт скакуна зрачкам, / Чтобы нестись на нём / Сквозь призраки сосен и облаков, / Сквозь облака и рощи духов...»

Отсюда одухотворение облаков как текущего пространства, и самого воздуха, его «Лечащей душу молитвенной массы», где библейская «манна небесная» смешивается с «золотой праной» индуизма, здесь уже не пантеизм, а стремление через всеобщее единение религий соединить души близких и далеких людей, когда все «течет блаженством из одних легких в другие / преображая и уподобляя / деляя одним целым / сообщающимися сосудами / наполненными амброзией...» И внезапные образы природы, где даже созревшие плоды объявляются обладающими «сознанием»:

На самом дне
безупречного сада —
сливы,
валяются без сознания...

И переживание смерти близкого человека, определяющее отношение к самой земле как к родному и чужому:

Моя земля
ставшая сегодня еще на одного
закопанного в ней
дорогого человека
чужой

Так поэт видит свое время сквозь пространство:

лишь время, обернувшееся в степь.
И нет конца ей, и тебя в ней нет,
лишь бег печали, листьев и судьбы,
бег Персеид, орбит, комет, планет,
бег быта, бег небытия сквозь быт.

Я бы назвал поэзию Яна Кунтура рассматривающей и рассуждающей, чтобы избежать чопорного определения «интеллектуальная». Недаром поэт опирается на откровенные слова Аполлинера, видя в нем своего предшественника: ««Хотим разведать сферы доброты / бессловесный необъятный материк а также время которое можно направить вперед и вспять // Так снизойдите же к нам сражающимся на границе / будущего и бесконечного...»

«На границе будущего и бесконечного» поэзия изменяет, поднимает, проводит человека невредимым сквозь быт, сквозь небытие, сквозь степь, обернувшуюся временем. Остается только дойти до современника, который способен обернуться читателем.

Вячеслав Куприянов

*Разве мог ты представить себе такую запредельную высоту?
Ян Кунтур, Гильгамеш. 1999 г.*

Теплые травы (из уральских книг и циклов 1993—2009 гг.)

«Я окунаюсь в снег...»

Я окунаюсь в снег,
на пряди мои налипший.
Моя голова из снега.
Я утопаю в снегу.
На тополе бьющийся лист —
я таю, стекая с крыши
на тёплые травы – шариками
блестящими. Не могу,
никак не могу о ветер
свой нож тупой заточить...
Не нож, но кривую полоску
из остроугольных слов,
врезанных рунами снега
в разрывы массивных домов,
в китайские стены скворечен
и в акведуки туч,
несущих не воду, но чувство
сплошного снега и шёпот,
слышный лишь дряхлому Ною,
погибшему не от потопа,
но от Великого Снега
у самых дверей Пенелопы...

Утерянным оберегом
в бессмертном снегу утопаю,
таю, стекая с крыши.
Моя голова из снега.

Октябрь 1999 г

В третьем часу ночи

Телефон расколол на куски
гипс розеток сна.
Подошёл.
Тихий голос дрогнул из трубки:
«Кто ты?..» —
Женский голос,
древний, как ночь,
неизвестной работы.
Я ответил:
«Бродяга, чья тропа не ясна.
Чья эпоха ещё не пришла,
время тянет к нолю...»
«Ой, не мой адресат.
Я в столетье попала не то...
Я наверное сплю...»
«Кто же вы, робкий ангел,
посетивший монашьи пределы?
Ваше имя?»
(молчанье)
«Ваше имя?!»
«Надежда...»
И гудки, как прощальный салют...

16 июля 1993 г

«Сквозь редкую крону вижу...»

Сквозь редкую крону вижу
Синюю шкуру небесной рыси
В желтых пятнах листьев берёзы,
Накинутую на плечи князя-шамана —
Владельца Сосьвы,
Который с вершины Ялпынг-Нёр-Ойки
Шлёт отражения лужам,
Шлёт зрочки отраженьям,
Шлёт скакуна зрачкам,
Чтобы нестись на нём
Сквозь призраки сосен и облаков,
Сквозь облака и рощи духов...
Превращая в каменных болванов
семёрку колдунов Вражеского Севера,
Он пытается предотвратить зиму...
Но поздно – олени стада уже рассеялись по тайге,
Когтистого Старца клонит в сон...
Сил не хватает. Блётнет синяя мантия,
Теряя последние магические золотые блёстки.
Катится, камня,
вражеский бубен...

1—2 октября 1997 г

«Мы всю ночь напролёт говорили...»

памяти художника Николая Зарубина

1.

Мы всю ночь напролёт говорили.
Костылём деревянным стучала в асфальт забытья
наша память.
Мы обнялись по-братски. Лился дождь
Опечаленной радости из-под закрытых зеркал.
Под глазами
Проступали круги. Время дробно молилось за нас,
За ушедших в тяжёлой коричневой шубе мохнатой.

Ты сказал: «Мне пора.
Завтра на Луначарского в шесть
Буду в гости тебя ожидать...»
По канату
Улиц, гулко качавшихся вслед мертвецам-демонстрантам
Ты спешил. Не хватало правой ноги...
Костылём об асфальт забытья
Разбивал ты молчание сумрачной арки...
Ты был жив, как когда-то...

2.

Телеграфный столб на горе нёс табличку
«НА ПАМЯТЬ ДЕТЯМ»
Фотографии были сухи.
Фотографии помнили слезы,
Те, что лились два мига назад
Из бумажных глаз,
Из завешанных болью зеркал.
Ты был рядом, смеялся. А смерть? —
Белоглазая Чудь скрыла с собою под землю.

Белоглазая Чудь, лишь она понимает:
Смерть не может нести на себе запах пота
Душных солнечных полдней,
Смерть не может нести на себе
Лунно-солнечных зайчиков смеха,
Что кидались под танки печали.
Смерть взяла и, заштопав протертое сердце
Где-то в горных долинах Алтая,
Возвратила назад,
Обернув колдовскою травой
И молитвой во славу спасения...

10 августа 1998 г

«Он поцелуем разбудил Её...»

Он поцелуем разбудил Её.
А на Реке все степени рассвета
запечатлелись, как на фотоплёнке,
и поезда пытались обогнать
несуществующее время.

Он превратился в дым над костровищем.
Хранили такт султанчики травы.
Она – в берёзу, что у насыпи белеет...

Качались в такт султанчики травы,
сквозь заросли которой пробивались
два крохотных дубка, чтобы достичь
пределов... Маковка берёзы пожелтела.
Кричали петухи над лесом и лугами,
хранили такт султанчики травы...

Неугомонный белый дым над костровищем
будил Её чуть горьким поцелуем.

17 июля 1999 г

Άγιο Όρος

Под рясу бы, под клок бордовой ткани,
под пёструю, лоскутную накидку,
сползти бы вниз сознанием двускатным,
как снег тяжёлый, до пещерных скитов.

Подпитывают лишь воспоминанья
да слабые мечты на воскрешенье,
смертельной мудростью внесённые заранее
в столбцы хрустящие пергаментных крушений.

Истошная бессмысленность оспорит
стараний денежных последние подпоры...
И вдруг, за пропастью, за темно-синим морем,
за мысом видишь сквозь туман Святые Горы.

И слева Крит лежит младенцем нежным,
а справа – Фракий виноградные долины,
и радостью душевной неизбежность
тебя ведёт к преданию, к вершинам.

5 марта 1999 г

Гильгамеш

Разве мог ты представить себе такую запредельную высоту?
Ты, пришедший из страны,
где самая высокая точка —
это построенная тобой стена родного города...
Кирпич к кирпичу...

Вавилонские башни
будут намного позже...

Державший в руке только лишь медное копьё,
ты не мог даже вообразить себе
как сверхпрочное остриё
медленно, но действительно
пробивает стальной панцирь неба.
Причём подножие от этого напряжения
уходит глубоко в преисподнюю.

Ты мечешься в исступлении от предельного
ОТЧАЯНИЯ:

Наследный энси стал невольником своего
ОТЧАЯНИЯ

Что же зашвырнуло в него правителя Ура? —
Боль от потери того, с кем ты был един?
А может быть невинная кровь Лесного Хранителя —
Хумбабы —
смолистой коркой запятнавшая твои руки?
Или неутолимая боязнь потерять точно также
и самого себя?

Что мечешься ты мышью, попавшей
в кувшин для вина?! —
успокойся, ведь частица божественного семени
просочилась в тебя и укоренилась с мыслью:
«Так жить нельзя!»
в тот самый момент, когда ты бился головой о валуны:
«Что же делать! Как прорваться за последний предел?!»

Ты НИКОГДА, увы, не найдёшь того,
что ищешь...

Ты УЖЕ нашёл это.

Теперь остался
лишь чёрный бездонный провал,
откуда выходит солнце.

Если тебе это нужно —
пробивайся сквозь него:
новые мучения и отчаяние.

Но ты уже преодолел его тогда,
когда поставил правильный вопрос,
когда, осознав, бился лбом о валуны,
в жажде полной разгадки,
которой просто НЕ СУЩЕСТВУЕТ,
потому что она живёт только в тебе.
Ты сам, даже не зная того,
достиг уже Сапфирового Сада, на другом конце провала,
но поймёшь это лишь тогда,
когда в ужасе и боли
прорвёшься, раздирая мысли и чувства об острые
камни и страх, через чёрный холст
этого бесконечного лаза.

Нет, ты НИКОГДА не найдёшь БЕСКОНЕЧНОСТИ...

Ведь ты УЖЕ обрёл её, когда первым в истории
возвёл стены вокруг родного города.

Кирпич к кирпичу...

Вавилонские башни
Будут намного позже...

Разве мог ты представить себе такую высоту,
задаваясь идеей, обрекая себя на Тупик.
Вот он! Вперёд!
И волосы – в ключья! И головой – об стену!
Но тупика не существует!

...Галки что-то клюют на газоне.
Накрапывает тёплый дождь... —
В любом тупике есть невидимый чёрный лаз
Ужаса и Отчаяния
(это единственные истинные проводники).
Доверься им, оставаясь собой,
И однажды солнце пройдёт сквозь тебя.

Гильгамеш – «Всё повидавший» – пятый правитель (энси) и военный вождь (лугаль) первой династии шумерского города Урука, познавший и славу, и любовь, и дружбу, и великую печаль утраты. Первый настоящий экзистенциалист, попытавшийся в одиночку на пике отчаяния преодолеть смертный удел, добившийся невероятными усилиями успеха и в мгновение лишенный его нелепой случайностью...

Обрел бессмертие не в виде вечной жизни, но в виде вечной памяти, как наиболее великая личность самого раннего периода цивилизации, потрясая своими деяниями умы всего Древнего Востока и завладевшая ими не на одно тысячелетие. Первый и самый значительный персонаж мировой литературы...

17 мая 1999 г

«Лобовой ветер...»

Лобовой ветер
срывает капюшон с моей головы
и набивает его снежной крошкой
и выжимает маленькую льдинку
в уголке глаза

Словно командует:
Шапки – долой!
объявляя минуту молчания

Его ресницы покрыты инеем

13 января 2009 г

Суфийское

Л.К.

Нас с тобой разделяет стена
из спрессованной пыли.
Вся моя жизнь —
прорыв сквозь дремучесть и крутость
к твоему огоньку:
Сквозь непроглядную темноту —
на звук журчания ручья,
скрытый в дыхании,
которое даёт жизнь глиняным птахам
и жаждущему пустынною,
идущему между отвесов.

— — — — —
Я стою пред тобою,
как первоклассник, —
разинувший рот и
теряющий кепку с запрокинутой головы —
впервые увидевший звёзды.

Не отпускай меня ни на шаг,
не дай заблудиться,
не дай пройти мимо,
спутай намертво по рукам и ногам,
вдохни меня и удержи дыхание,
чтобы я разлился по твоей крови,
став Единым.

Январь 1999 г

«И-цзин» мне нашептало: «Всё будет хорошо...»

«И-цзин» мне нашептало: «Всё будет хорошо.
Держись, браток, дерзай, – кленовый сок
вернётся...»

И вьётся путь трамвайный по городу ужом,
мотает и бросает меня на дно колодца
неясных, липких снов, где в стаях голубей
я также ожидаю трамвай, держась за палец
родной руки, чтоб ехать средь городских зыбей
туда, где ждёт нас запах стряпни, где я в запале
наивной шалости на свечке подпалю
оправу дедовских очков, где ждут потачки
и балованье бабушкино, плюс
гость из арабских сказок (как Хотабыч):
Али Хусейн с острова Бахрейн —
сокурсник дяди в МГУ, что был подпольно
доставлен бабушкой в закрытый город, чей
фабричный дым доходит до Престольной.

Из прошлого везёт меня трамвай,
как детский паровозик, до стыковки,
коллажем сновидений, сквозь слова...
Открыл глаза... Проехал остановку!

И вьётся путь трамвайный по городу ужом.
Ворчание. Толчки. Как нестерпимо солнце.
«И-цзин» мне нашептало: «Всё будет хорошо...»
Держись, браток, дерзай. Кленовый сок вернётся.

Май 2000 г

«Некто в черной одежде...»

Некто в черной одежде
на штормовом побережье.
Черная птица зависла
на фоне хмурого неба.
На штормовом побережье —
белые, черные пешки...
И нет желанья для спешки.
Лишь жажда поиска смысла,
который насущнее хлеба.

...Но ничего, кроме решки,
не выпадает... —
без спешки...
следом за острой косою:
дама...
кузнец с женою...
девушка...
оруженосец...
актер...
благородный воин —
рыцарь, высок и строен —
с застывшим в глазах вопросом...

Но нет на него ответа,
как нет и в тучах просвета
на штормовом побережье...

Белые... черные... пешки...

И катится прочь кибитка
Бродячего балагана.

15 января 2007 г

«Ты замечаешь, как уходит время...»

Ты замечаешь, как уходит время,
по сверстницам своим, их лицам...
Оно – завистливой царицей
из Закавказья – дарит птицу
из золота, чтоб клюнуть в темя...
И это для тебя – спасенье
внезапное... И торопиться,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.